

УДК 821.111(73)-3.09.(045)

РОДИНА И ЧУЖБИНА В ПОЭЗИИ ДЖОРДЖЕ НИКОЛИЧА

канд. филол. наук, доц. Л.В. ПЕРВУШИНА
(Минский государственный лингвистический университет)
lyubaper@gmail.com

Рассмотрены особенности творчества Джордже Николыча – известного американского поэта-эмигранта сербского происхождения. Предметом внимания прежде всего являются многообразно проявляющаяся в стихах Дж. Николыча любовь к оставленной Родине и неизменно присутствующее чувство чужбины. Эти разновекторные чувства определяют сущность мировоззрения, особенности мировосприятия и смысл идейно-художественных поисков автора. Исследуется процесс осознания поэтом себя как эмигранта, прослеживается связь национальной идентификации с проблемой культурно-исторической памяти, выявляется специфика национальной идентичности. Анализируется репрезентация идентичности эмигранта в американской культуре через сохраняющиеся национальные сербские образы мира, а также богатый проблемно-тематический комплекс, интертекстуальность, библейские параллели. Рассматривается богатый символизм творчества Дж. Николыча и его влияние на идейно-художественную программу поэта.

Ключевые слова: национальная идентичность, славянские авторы, писатель-эмигрант, культурно-историческая память, Родина, чужбина, мировоззрение, символизм.

Введение. Последние десятилетия XX и начала XXI века знаменуют особый исторический период, который привел к изменению культурной картины мира, значительному пересмотру философских, социально-политических, эстетических и художественных концепций. С особой остротой ставятся проблемы места и роли человека в обществе, его прав, свобод и реализации творческих устремлений. В США начиная с 1960-х гг. историко-культурная ситуация характеризовалась интенсивными социальными и политическими движениями за справедливость, свободу и гражданские права (*Civil Rights movement*), за улучшение благосостояния человека (*welfare-rights movement*) и против войны во Вьетнаме (*anti-war movement*). Принятие в 1964 году федерального закона о гражданских правах и ряда законов, запретивших расовую дискриминацию и сегрегацию, а также дискриминацию по признаку пола, привело к реформированию всей законодательной системы США, изменению общественных и социальных программ. Движение, известное под названием «возрождение этничности» («*the revival of ethnicity*»), вызванное не верием в «высшую мудрость истэблшмента» [24, р. 22], вызвало серьезный интерес к этническому и расовому разнообразию Америки, что привело к яркому проявлению различных видов культурного плюрализма и возникновению новых концепций культурного взаимодействия. Американцы из разных этнически групп, чья культура «определялась расовой принадлежностью, религией или национальным происхождением» [13, р. 27], подвергали сомнению идею «американской мечты», которая имела тенденцию превращаться в свою противоположность, все менее доверяли обещаниям официальных представителей власти, и все более полагались на опыт своих этнических сообществ, в которых они поддерживали ценности своей культуры, искали защиту и ответы на сложные вопросы времени. Известно, что ощущение единства с конкретной культурой, с определенной исторической общностью позволяет глубоко осмыслить важность национального в частном, личном. Именно понимание своей этнической принадлежности и повышение самосознания «заставило многих пересмотреть свою идентичность как американцев» [24, р. 22], подчеркнуть свою национальную составляющую.

Таким образом, идеи мультикультурализма, разнообразия и пограничья обусловили постепенный переход культурной модели развития общества «с западной, логоцентрической, (в США – американоцентрической), на плюралистичную...» [7, с. 4] и выявили особую значимость проблемы национальной самоидентификации, обретения национального самосознания, которая стала определяющей и заняла особое место в культуре, философии и литературе конца XX – начале XXI века. Осознание «себя» как принадлежащего к определенной нации или этнической группе определяет развитие человека в контексте изменений общественных норм, тесно связано с поиском идентичности и проявляется в отождествлении личности с определенным этническим, социальным, классовым, религиозным сообществом. Национальная самоидентификация является важным механизмом становления личности, осмысления социальных ролей, усвоения групповых норм, идеалов, образцов поведения, формирования ценностных установок и способствует сохранению «временной и пространственной целостности Я как субъекта сознания и самосознания – в контексте постоянно меняющихся состояний этого Я и содержаний этого сознания» [9, с. 240]. Чтобы человек стал личностью, он должен осознать себя в контексте конкретных историче-

ских событий и определенной культуры. Поскольку «иммиграция играла и будет продолжать играть значимую роль в становлении Америки» [25, с. 143], то проблема национального самосознания с особой остротой предстает в творчестве современных американских писателей, которые большое внимание уделяют присутствию различных культур в литературе и искусстве. Культурный плюрализм, обострившиеся проблемы национальной и иных форм идентификации вызвали к жизни разнообразные проявления творческой деятельности, открыли возможность многогранно представлять национальную идентичность писателя, художника, творческой личности. Последние десятилетия XX – начало XXI вв. характеризуются появлением многочисленных романов, мемуаров, автобиографий, публицистических и поэтических произведений, пьес и фильмов, которые «показывают читателям, как процесс ассимиляции – или сопротивление процессу ассимиляции – проявляется в жизни различных поколений эмигрантов» [11, р. 2]. Широкая читательская аудитория приветствует появление новых произведений, проявляя интерес к репрезентации многосторонней идентичности. Говоря от имени многих эмигрантов, Эрика Джонг – известная писательница, ставшая классиком американской литературы, утверждает: «все американцы – иммигранты, и мы любим новые истории иммигрантов, будь то история еврейских иммигрантов или китайцев, будь то русская история или история итальянских американцев – история крестного отца и т.д. Мы любим эти повествования о том, как люди приезжают из разных частей света и становятся американцами» [21, с. 263]. Такие повествования демонстрируют механизмы американизации, ассимиляции, изменения сознания, получения нового опыта и вхождения в другую культуру.

Внимание к этно-расовому многообразию, полилингвизму и новому мультикультурному опыту расширило кругозор американского общества, оказав серьезное влияние на сознание людей и развитие гуманитарных отраслей науки. Философы, культурологи, психологи, литературоведы анализировали, систематизировали и обобщали особенности функционирования различных этнических групп и репрезентации их опыта в литературе, причем «плюрализм стал парадигмой новых исследований, а этничность их ключевым интерпретационным концептом» [24, с. 23]. Ученые отмечают необходимость разработки и создания «новых методов анализа и оценки» [22, р. 8] разнообразных литературных произведений, созданных писателями-эмигрантами. Теоретические основы данных проблем изложены в трудах В. Соллорса, Р. Веколи, Т. Гладски, В. Больхувера, Д. Холлинджера, Б. Холмгрен, О. Матич, М. Тлостановой, А. Ващенко, Г. Гачева, О. Карасик и др. Так, достаточно объемно представлен опыт афроамериканских, афро-азиатских, азиатских, еврейских, мексикано-американских и др. сообществ в культуре США. Славянский же компонент в мультикультурной жизни США еще не получил достаточного освещения. Он мало изучен, хотя славянская эмиграция представляет собой весьма значительную часть культурного пространства США.

Основная часть. Из среды писателей-эмигрантов весьма интересным является Джордже Николич (*Djordje Nikolic, Georg Nikolic*) (1949 г.р.) – известный современный американский поэт сербского происхождения (*American Serbian writer*), уже более сорока лет проживающий в Соединенных Штатах. Его поэзия занимает особое место в современном литературном процессе, отличаясь важной проблематикой, глубиной мыслей, высоким уровнем философского обобщения и утверждением универсальных ценностей, а одновременно и пристальным вниманием к деталям жизни, способностью к мгновенной фиксации чувств. Художник яркого и мощного таланта, он сосредоточен на вечных проблемах – войны и мира, жизни и смерти, памяти и бессмертия, чести и ответственности, любви и творческой силы, – соотнося их с широким кругом исторических и социальных вопросов современности. Наряду с этим поэзия Дж. Николича неизменно обращена к истокам, историко-культурным и духовным ценностям сербского народа, раскрывает внутренний мир человека, сложность бытия, важность Божественного в мироустройстве.

Дж. Николич родился и получил начальное и среднее образование в Сербии. Вынужденная эмиграция в США и расставание со своей страной полностью изменили его жизнь и определили его дальнейшие духовные и идейно-художественные поиски. В семье Николичей всегда сильны были национально-духовные традиции, а «один из дедов был священнослужителем в епископском сане, и поскольку не принял коммунистической власти, то оказался в эмиграции» [8, с. 8]. В Америке Дж. Николич продолжил образование, закончил университет и докторантуру, занялся исследованием литературы эмиграции и активной литературной переводческой деятельностью (с английского на сербский и с сербского на английский).

Белорусские читатели познакомились с творчеством Дж. Николича благодаря сборнику избранных произведений «Таямніца часу» (Минск, «Белпринт»), который вышел на белорусском языке в 2013 г. Составитель сборника, автор развернутого предисловия и комментариев – И. Чарота – известный славист Беларуси, академик Сербской академии наук и искусств, авторитетный переводчик. Перевод произведений Дж. Николича на белорусский язык был осуществлен В. Шнипом, Л. Рублевской и, в первую очередь, самим составителем книги. В данной статье цитируются произведения Дж. Николича в белорусских переводах, представленных в сборнике «Таямніца часу» [5]. Сила художественного дарования Джордже Николича, его способность открывать тайны человеческой души нашли отражение в девяти сборниках поэзии. В США были опубликованы поэтические сборники «По древним рельефам» (*Over the Old Reliefs*,

Иоганнесбург, 1975), «Дубы, травы» (*Oaks, Grasses*, Чикаго, 1978). Творческая атмосфера 1970-х, созданная представителями интеллектуальной элиты из разных стран, вдохновляла Дж. Николича, способствовала раскрытию его таланта. Чеслав Милош, Иосиф Бродский, Тымотэуш Карпович и другие поэты-эмигранты из стран бывшего социалистического лагеря обменивались секретами художественного мастерства, обсуждали вопросы философии искусства, проблемы развития литературы, делали попытки приблизиться к постижению тонкой природы поэзии – «наиболее неуловимого после музыки искусства» [17, с. 7]. Они изучали новейшие произведения писателей-эмигрантов и определяли их эстетическую ценность [18, р. 60], осмысливали роль художника, который является связующим звеном между человеческим бытием и недостижимыми высотами духа и который создает искусство как «мост к невозможному, непостижимому» [17, с. 4]. Плодотворным оказалось сотрудничество Дж. Николича с Иосифом Бродским, творчество которого удостоено Нобелевской премии, и Тымотэушем Карповичем, «который, возможно, считается самым сложным из всех польских писателей» [16]. Результатом совместной работы поэтов стал сборник «Три славянских поэта» (*Three Slavic Poets*, 1975), в котором были представлены избранные произведения этих трех мастеров слова [23]. В поэме «Книга майго бацькі» (2011) Дж. Николич восстанавливает важные литературные и культурные события и отмечает богатую, насыщенную культурную жизнь, в которую были вовлечены и родители поэта: «Трэба было бачыць іх твары, // Калі да нас прыходзілі // Бродскі і Мілаш, // Карповіч, Ліпская, // Слабадан Драшкевіч, // Сіміч і Стрэнд, // Куцік, Палонская, // Мітрапаліт Амфілохій...» [5, Ник, с. 126–127].

Литературный талант Дж. Николича, признанный в кругу писателей-эмигрантов, был отмечен на просторе американской литературы, а его поэтическое творчество было удостоено премии Академии американских поэтов 1977 г. Книга «Ключ к мечтам, по Джордже» (*Key to Dreams According to Djordjie*, 1978) была опубликована на английском языке в переводе Чарльза Симича – известного американского писателя сербского происхождения и включена в одну из Антологий поэзии Америки. В 2003 г. в Лондоне вышла в свет книга *Jewish Writers in Serbian Literature* («Еврейские писатели в сербской литературе») в переводе на английский язык Дж. Николича. Книга была создана известным историком литературы П. Палавестром [20, с. 191]. Дж. Николичу также принадлежат сборники, изданные в Сербии, которые знаменуют его возвращение на родину: «Галава Сërба», 2000, «Нябесны сад», 2001, «Доніс», 2001, «У пагоні за Эўрыдыкай», 2003. В 2006 г. поэт посвящает поэтический сборник «Шумадзія» своей малой родине, а в 2012 г. выходит сборник «Вы не ад гэтага свету», в котором автор поднимает вопросы веры, проблемы поиска смысла жизни, открывает богатейший духовный пласт, связанный с выявлением Божественной силы в мироздании.

Поэтический талант Дж. Николича признан в Сербии, в США и во многих странах мира. Его произведения переведены на английский, болгарский, русский, испанский, итальянский, белорусский, румынский, македонский и японский языки и «включены в многочисленные литературные антологии США и Европы» [20, с. 191]. Известно, что эмигрант, так или иначе, вынужден в своем творчестве сопрягать «две культурные системы, культуру настоящего и будущего, т.е. культуру новой страны и культуру памяти в одну цельную модель» [25, р. 144]. Очевидно, что в коммуникативных процессах ассимиляции и американизации, которым подвергаются эмигранты, в различной степени проявляются их связи со своей страной, со своей Родиной. При пересечении и столкновении культурных моделей прошлого и настоящего, «своего» и «нового», страна эмиграции может быть представлена либо как новое «свое», либо как «чужое». Опыт эмигранта может также содержать сложный процесс постепенного погружения в новую жизнь и постепенного «забывания» родной культуры, отчуждения от нее. Дж. Николич особым образом решает вопрос идентичности в новом для него американском обществе. В вынужденной эмиграции он становится яркой общественной фигурой, направляя все свои усилия на репрезентацию в Новом Свете Старого Света, своей родной страны. Он не только не теряет духовной связи с родной землей, но и продолжает развивать сербскую культуру внутри многонационального мультикультурного общества, оставаясь «сыном своей Отчизны по духу» [5, с. 9]. Его творческое кредо – «все ради Сербии».

Важной творческой установкой автора является сохранение сербской культуры и своей национальной идентичности. В отличие от многих поэтов-эмигрантов, Дж. Николич не стремится стать американским писателем. Так, если в своих эссе и интервью Ч. Симич подчеркивает, что «он считает себя американским поэтом с глубинными корнями, уходящими в американскую литературу и культуру, в поэзию Уитмана, Дикинсона и Рётке» [12, р. 44], то Дж. Николич посвящает свои проникновенные стихи родине, а его поэзия и в Новом Свете «есть лирическое послание Отечеству, которое он, если вдуматься, никогда и не покидал. Он уехал далеко, чтобы видеть то, что видно с порога. И открыл то, что давно уже было открыто, и что каждый поэт открывает заново – человечество в лице уроженцев своего края, и весь мир – сосредоточенный в его пределах» [2, с. 18]. В настоящее время Дж. Николич живет в Чикаго. Он является членом различных литературных ассоциаций, обществ и академий, а также Пен центров в различных странах. Дж. Николич – Президент Сербской Национальной библиотеки, которая была основана его родителями в Чикаго в 1971 г. Он также принимал участие в основании фонда И. Милошевич и установле-

нии Первой Международной Всеправославной литературной премии «Богородица Троеручица» (The Holy Mother of God with Three Hands), которой награждаются писатели разных стран [20, с. 192]. С одной стороны, литературное творчество Дж. Николича отражает особое, уникальное, индивидуальное мировосприятие поэта, разлученного со своей родиной. С другой стороны, поэзия Дж. Николича включает конфликт идентичности, который присутствует в произведениях многих славянских эмигрантов в Америке. Как считают некоторые исследователи славянских литератур в США, «именно в произведениях авторов-выходцев из Сербии конфликт идентичности является исключительно важной составляющей. Так, ...многие сербские авторы идентифицируют себя со своей родной страной больше, чем с Америкой» [19, р. 183].

Сверхзадачей Дж. Николича является создание произведений о Родине, а доминирующим принципом его творчества становится постоянное присутствие национальных образов мира, мотивов, интертекстуальных переключений, связанных с образом Родины. Поэт создает такую эстетическую территорию, в которой ярко проявляется его национальное самосознание и представлена такая модель вхождения в другую культуру и миропонимания в эмиграции, при которой отмечается сильнейшее притяжение к родной земле, сохраняется аутентичная сербская культура и народные традиции, а страна эмиграции предстает как «не свое», а во многом как «чужое». Подобные модели вхождения славянских авторов в новую культуру эмиграции рассматривалась Б. Холмгрен – одной из наиболее известных и авторитетных исследовательниц славянских литератур в многонациональной культуре США. Теоретик указывает: «иммиграция более не эквивалентна ассимиляции, ее результатом становится жизнь в двойном измерении, т.е. «смешанная/гибридная жизнь», предполагающая билингвизм восприятия, артикуляции идей и миропонимания. В этом наиболее удобном варианте эмиграции писатель не только способен сохранять в памяти Старый Свет, но и заново посещать и переживать его. Таким образом, писатель следует безопасным курсом между Сциллой – ностальгией, охватывающей эмигранта, и Харибдой – отчуждением от своей родной культуры» [14, с. 105]. Очевидно, что и в эмиграции Дж. Николич душой оставался со своей страной, несмотря на тяжелый груз прошлого, изгнание, репрессии.

Известно, что «славянские писатели внутри литературного корпуса этнического опыта США большое внимание уделяют описанию родной страны – Восточной или Юго-Восточной Европы» [15, р. 115]. И для Дж. Николича важной частью идейно-художественной структуры его творчества становится глубокое постижение истории и культуры своей родины. В культурно-исторической памяти, в коллективном сознательном и бессознательном сербского народа запечатлелись и сохранились такие трагические исторические события, как Косовское сражение, пять столетий под турецким гнетом, разделение страны на четыре части, балканские войны в начале XX века, Вторая мировая война и сложная ситуация в конце XX столетия [8, с. 5]. Как отмечает И. Чарота, «если у большинства народов мира национальная идея – прежде всего ее фольклорное и литературное воплощение – основывается и удерживается на осознании побед, то историческая память сербов сохраняет прежде всего все обратное» [8, с.5]. Следовательно, «и самосознание Дж. Николича – сына своего народа во многом проникнуто трагизмом» [6, с.6]. Художественное мастерство Дж. Николича позволило не только восстановить и отразить ход истории, но и передать мироощущение сербов, которое генетически наследовалось последующими поколениями, демонстрируя диалектическое и динамическое единство прошлого и настоящего.

Так, изучение темных эпизодов истории определило появление сборников Дж. Николича «Сербія» и «Галава серба». В них автор восстанавливает атмосферу трагических событий, исследует историю, характер и душу своего народа. Добрый и трудолюбивый сербский народ долго страдал под гнетом захватчиков: «Галаве серба як вядома, калісіці // Давялося доўга быць пад уціскам. // А як больш за стагоддзе мінула, // Яе зноў жа ў ярмо зацягнула» [5, с. 88]. Дж. Николич глубоко переживает боль народа, воспринимает чувства людей, а авторская интерпретация событий окрашена чувством страдания: «Кривава чуллівая жанкі-бітвы // Нараджалі герояў забітых // Гісторыя з нашай айчыны рабіла // Суцэльнае папалішча стылае» [5, с. 89] («У тья часы», 1973). Поэт создает яркие, зримо воспринимаемые образы прошлого, указывая на огромные людские потери, жертвы: «Гэтулькі крыві ўжо // На сяжыне кожнай // Для працягу роду // Мы з зямлі выходзім» [5, с. 79] («Сербы»). Память вызывает картины страшных битв, тяжести истории: «Ноч настае і нам наканавана // Палегчы ў полі чырванню цюльпанаў // За намі коні і дзорныя паснулі // Шукаюць нас курганы і матулі // Апошні бой даваў нам спадзяванне // Ды адыходзім вась без адпявыння» [5, с.75] («Спачын», 1973). Сокровенное чувство любви к отчизне не теряет силы даже в самые сложные эпизоды истории. Родина остается с народом и в радости, и в горе, и в жизни, и в смерти: «Раскрываюцца нябёсы пабялелыя // Сербам каб сыйсці ў той свет з Айчынай» [5, с. 53] («Дучыч у выгнанні»). Дж. Николич понимает историю как целостный процесс, как необходимость, в которой заложен важный для человечества смысл. В стихотворении «Сербская песня» (1993) автор отмечает, что в этом сложном процессе судьба сербского народа связана с борьбой за свое освобождение: «З чаго сплечены вянок сербскі // Акрамя чырвоных макаў палявых // Якой песні мы навучаны // Акрамя змагарскай» [5, с. 80]. В произведении «Адорванне» (1973) присутствует вера автора в силу правды, победу и справедливость. Каждый погибший воин достоин чести, а посему с печалью, признательностью и любовью

возносится благодарность павшим героям: «*Асабіста кожнаму невядомаму воіну // Сонца, хлеб, віно, сон спакойны // Жончыну вернасць, матчыны шчасце-мроі // Непераможнасць сына-героя // Удзячнасць за ўсе ахвяры змагання // І вечнага светлага памінання*» [5, с. 76].

В то же время Дж. Николич «бывает суров, даже до беспощадности, к историческим изъясам, застарелым житейским несовершенствам любимого ему Сербства» [3]. Громко звучит голос автора, философа и мыслителя, который понимает ошибки и просчеты сербских людей: «*Ды і ахвярамі ўсімі, і пакаяннем // Не мянялі мы лад свайго існавання: // На яго ж неадменна ўплываюць страты, // Калі кум рэжа кума і брат брата*» [5, с. 89] («Галава серба»). А поэтому те просьбы, которые сербы возносят к небесам, не могут быть услышаны: «*Бог усяведны і слухаць не хоча // Сэрба, які з Яго шляху збочыў*» [5, с. 91]. Но и эта жесткая критика вызвана любовью поэта к родине, озабоченностью за ее нелегкую судьбу, стремлением представить социально-исторический и духовный опыт своего народа. Искренни и глубоки чувства автора, он переживает, болеет душой за свой народ и за будущее страны. Ностальгией по своей стране окрашены мысли и чувства лирического героя поэзии Дж. Николича, который, с одной стороны, – «абстрактный мыслитель, философ, который решает общечеловеческие проблемы, а с другой – представитель конкретной нации, выходец из конкретной семьи» [4, с. 305]. На чужбине он ощущает определенную степень изолированности, обособленности, одиночества, отверженности, потерянности. Эмоциональность лирики сопровождается грустью, печалью. Превалируют темные тона тревоги, печали, отчаяния: «*Сяджу ў маўчанні. // Кроў мая, што лёд. // Вакол мяне Сусвет імчыць па крузе. // А думкі-пчолы ўсё шукаюць мёд // У лесе, дзе ўжо квецені не будзе*» [5, 26].

На чужбине события жизни не приносят вдохновения лирическому герою, не наполняют его внутренний мир, который остается пустым: «*Ўва мне, у пустэльным месцы, // Самотныя мы с табой, // А сон ува мне – магільны, // Як сон бадзяжных сабак*» [5, с. 30]. Человек потерял смысл жизни, он не видит смысла в земном существовании: «*Вабілі мяне беззварот-блуканні // Нібыта пад крылы бралі бярозы // Шукаў у руху я сэнс вандравання // Ды след прапаў на маёй дарозе*» [5, с. 27] («Так як намагаюцца стрымаць раку», 1997). Даже любовь – теплое и вдохновляющее чувство – часто наполнено драматизмом и печалью, так как расставание сердец неизбежно, а реальность не способствует расцвету чувств: «*Таямніца рук // Прысвечана // Аднаму // Несустрэтаму // Каханню*» [5, с. 46] («Руки»). Свои чувства герой выражает непосредственно, обостренно, передавая свою печаль, тоску, горечь: «*Вочы яе блукаюць па свеце, // Як і мае, // Ды размінаюцца погляды нашы // Рукі яе абдымаюць // Пустыя рамкі ёю намрое-нага*» [5, с. 49] («У пагоні за Эўрыдыкай»). Особенно подчеркнуто автором чувство разочарования, невозможность счастья: «*О, як мы разміналіся – // Я і ты, я і свет гэты. // У нас як бы і не было сустрэчы. // Адно бясконца доўгае расстанне*» [5, с. 44] («Ты і я», 1944).

В то же время существуют в жизни возвышенные, счастливые моменты. Тогда любовная лирика наполняется романтическим светом, радостью, ликованием. Так, возлюбленная навечно «заручана пярсецёмкам», а любовь бесконечна, жизнь наполнена смыслом, радостью, вдохновением: «*Што далячынь, ты ж блізкая такая // І Божы дар не аддаляцца маеш... // Мяне ты светладайнасцю свайёй і зараз // Узносіш да высокіх чыстых мараў*» [5, с. 45] («Прабач гэтай далі», 1972).

Большое значение в поэзии Дж. Николича приобретают образы и символы родной природы, анималистические образы и образы окружающей среды, которые являются важнейшим инструментом специфического поэтического способа осмысления реальности в художественном мире автора. Данные образы пронизывают все планы бытия и все уровни поэзии Дж. Николича, определяют его философовские идеи и психологические зарисовки. Образность и глубина мысли выявляются через авторскую память и ностальгию по прежней жизни, которые прямо или опосредованно присутствуют в стихах. В поэтической ткани появляются образы тьмы и глубокие тени, которые сопровождают жизнь человека и появляются днем и ночью. Данные образы являются метафорой темной стороны внутреннего мира человека, они предвестники тревоги и печали. Но в то же время темнота и горе рассеиваются и исчезают с восходом солнца, с появлением первых лучей солнца. Солнце родины – наиболее часто встречающийся мощный образ-архетип, который олицетворяет активную, добрую и постоянно возобновляющуюся деятельность. Этот поток жизнотворных сил приносит Божественную справедливость, Божественный разум, освобождает от гнета и пробуждает творческий потенциал человека. Звезды – еще один важный образ-архетип. Они символизируют надежду, несут с собой гармонию, содержат особую скрытую энергию космоса, поддерживают солнце, когда злобные тучи затеняют его. Звезды помогают преодолеть темные силы и поддерживают негаснущий свет во вселенной.

Поэзии Дж. Николича присущ и целый спектр светлых эмоций, когда поэт представляет образы родного края. Единение с родной землей приносит автору вдохновение, радость, внутреннюю свободу и теплые душевные эмоции. Так, в стихах проявляется любовь к природе, полям, лесам, людям своей страны: «*бярозка недзе прарастае», «спяваюць зоры бяз думак пра няволю», «залатая галінка неба лісткі пусціла», «квітнеюць сады», «сякера – нібы разбуджаная змяя», «вясну лісток прабівае кволы», «трава... – вернасці знак на шляхах і курганах*». Этот мир – Божье творение, чудесное проявление прекрасного

го. Родная природа наполнена движением, радостью, звуками. Все вокруг возрождается каждой весной, когда возникает музыка жизни, которой наполняются земля и небо: «звон бярозавых завушніцаў» «восень згасае ў шуме тысячы жыццяў», «дзівоснасць песень саловак», «вулей гудзе на заблукалай пчале», «навальніца ідзе», «сонца звон чуецца» и т.д. Автор поет гимн своей малой родине – Шумадии, которая с детских лет поражала его воображение красотой природы, благоухающими садами, зелеными лесами, живописными лугами и бескрайними полями, где он учился чтить прошлое, традиции, осмысливал историю и культуру родной страны, постигал дух и опыт своего народа. Поэт видит природу прекрасной, радостной, цветущей: «Хмызуйце, шуміце, старыя палі, // Абліты святою вадою і святлом. // Вы некалі нам сваю сілу далі, // Каб існаваць пад любові крылом. / Хмызуйце, шуміце, старыя палі» [5, с. 84] («Шумадзія»).

Образы родной природы имеют высокую степень повторяемости: так, богатый символизм стихов включает образы солнца, дома, гнезда, леса, птиц, деревьев, а ветер, дождь и небо несут разное цветовое, эмоциональное и смысловое значение. Природа наделяется чувствами, психологизируется, помещается в динамический контекст, раздвигает рамки повседневности и конкретного места и времени, приобретает универсальный характер и открывает духовный мир, проясняя суть взаимоотношений между людьми. Символизм и ассоциативное виденье жизни позволяют автору емко и красочно говорить о душе человека, о трансформации внутреннего мира личности, рисовать картины прошлого и настоящего, осмысливать простые, но важные ценности, не теряющие своей актуальности по сей день. Богатый символизм сочетается с интенсивностью чувств, развитым эмоциональным фоном (присутствие чувств людей или их эмоций), экспрессивным субъективизмом (внутренним, глубинным пластом чувств).

Философское наполнение поэзии Дж. Николича включает попытку автора приблизиться к пониманию смысла жизни, раскрыть загадку мироздания. Через простые образы, символы и метафоры он поднимается до философского осмысления сложных вопросов бытия, нравственности, религии. Парадоксальное мышление автора открывает новые стороны реальных явлений как через анализ «внешнего» мира, так и через раскрытие «внутреннего» – психологического, духовного, субъективного пласта человеческой личности. Присутствие Божественной Силы в мире делает жизнь человека наполненной, целостной, значимой и вносит в нее чувство нравственного долга. Так, автор стремится заглянуть за рамки недостижимого и представить течение времени в этом мире, раскрыть движущие силы человеческого существования. Значимым для осмысления философских проблем является произведение Дж. Николича «Таямніца часу»: «Колькі часу цяпер наводле сусвету // Як выглядае дзень у календары Бога // Ці ёсць там да поўдня і апоўдні // Што за процягласць у Божай мінуты» [5, с. 38]. Автор ставит многочисленные вопросы мировоззренческого порядка: Как жить в соответствии с законами Творца и миропорядка? Как понять язык Природы? Как расширить границы нравственности? Как беречь и хранить духовные ценности? Где и как найти гармонию единства мира и человека, природы и общества? Но связь прошлого, настоящего и будущего, а также великие законы жизни и смерти скрыты от человеческого сознания: «Схавана ад нас гэтая // часу таямніца вялікая» [5, с. 38].

Серьезным для Дж. Николича является вопрос о наследии, которое оставляет человек после своего ухода из этого мира: «Пасля мяня ні следу ні знаку // Не застаецца зусім аніякага // Травы на сцежках уміг буюць // Кірунак шляху майго хаваючы» [5, с. 39] («Пазнака»). В размышления влетают мысли о бренности всего земного, необходимости осмысления своих действий и моральной ответственности за содеянное в жизни. Автор четко разделяет чистоту человеческих отношений и лицемерие, правду и ложь, говорит о нравственности краткими, сжатými фразами: «Зжоўкнучь як ліст восенню, // І каб тыя, хто нас не любіў, // Не праводзілі ў шлях апошні» [5, с. 31] («Эпитафія»). Так как основой человеческой жизни является передача знаний, опыта, мудрости из поколения в поколение, то поэт приобщается к духовному миру своих родителей, дедов, прадедов, храня духовное наследие, переданное ему. Известно, что «семейные отношения являются тем устойчивым элементом, который противостоит быстро трансформирующейся природе современных мегаполисов в США» [15, р. 116]. Большое значение в поэзии Дж. Николича имеют личные воспоминания, в которых превалируют добрые, человеческие чувства. Автор посвящает свои поэтические сборники матери, отцу, сестре. Героями произведений становятся родные и близкие поэта, а сам автор присутствует в ткани стихотворений через глубокий опосредованный внутренний психологический автобиографизм. Дж. Николич пишет о своей семье, в которой закладывались и формировались понятия добра, красоты, нравственности, а также раскрывались идеалы и ценности общества («Дзедаў лес», «Запаведнік Маніча», «На прадзедавай магіле», «Развагі дзеда Драгуціна Нікаліча», «Верш пра майго дзеда Драгаміра Маніча», «Матулі Надзеі»). Известно, что память позволяет эстетически осваивать реальность «через особую организацию фактов в систему этнической интерпретации..., когда факты трансформируются в конструкторы, а сама система развивается как генеалогическая нарративная программа» [10, с. 136–137]. Использование реальных фактов прошлого и творческая трансформация истории в автобиографические формы позволяют автору более глубоко осознать жизнь в контексте истории. Почитание матери, и уважение к женщине – то сокровище, тот чистый исток, из ко-

торого рождается любовь как самое высокое чувство, как таинство, которое преодолевает разъединение и непонимание. В произведении «*Матуля*» (1966) любовь сына возносит мысли о матери до небес, а «*Тапалі дзяцінства залатымі літарамі на аблоках // Пішучь // Пра яе*». [5, с. 18]. Особенно высоко поэт ставит связь времен, связь поколений, сохранение памяти и традиций как для каждого человека, так и для всего своего народа. Заветы прежних поколений становятся реальностью благодаря историко-культурной памяти и взаимодействию сознаний: «*Нас ён яднацца вучыў // Як неба злучыць з зямлёю*» [5, с. 66]. («*Дзед Драгамір Маніч*»). Мудрость жизни заключается в продолжении рода, «*каб дапісвалася кніга радаводу*» [5, с. 71].

Дж. Николич практически не пишет об Америке, а в тех произведениях, где появляется образ страны эмиграции, возникает острый конфликт, построенный на дихотомии «родное» – «чужое» с ее системой оппозиций и противоположных категорий. Особенно ярко образ страны эмиграции проявился в произведениях «*На прадзедавай магіле*» (1976) и «*Фатаздымак*». Так, поэт противопоставляет самое близкое (свою семью) самому далекому (изгнанию) в особый, значимый момент времени, когда все мысли сосредоточены на воспоминаниях о прадеде, который покинул земной мир. Это момент памяти и скорби, момент горести и благодарности прадеду за жизнь и мудрость, переданные им последующим поколениям. Именно в этот момент автор эмоционально и предельно открыто заявляет о своем отношении к жизни за рубежом, о том, что он не смог безоговорочно принять жизнь в изгнании. Страна эмиграции так и осталась для него чужой, а его жизнь в эмиграции – жизнь на чужбине: «*Добра жывым – яны не ведаюць, // Што і магіла // Будзе выгнанніцай // На чужыне*» [5, с. 65] («*На прадзедавай магіле*»). А в произведении «*Фатаздымак*», которое отличается большой изобразительной и выразительной силой, автор признается в любви своей родине, осмысливает прошлое своей семьи, вспоминает близких и следующим образом определяет свое отношение к стране эмиграции: «*Калі я гэтай ночы верш пачну // Я напішу пра фатаздымак той // З якога ўсе мы адышлі каб быць // У Сербіі назло Амерыцы чужой*» [5, с. 70].

В поэзии Дж. Николича представлен постоянный поиск духовно-нравственных основ, подлинного смысла жизни человека. В ней находят место размышления о Божественной благодати и Божественном порядке, о высотах духа и о душе человека. В религиозности, которая присутствует в стихах различной тематической направленности, выявляется особое миропонимание поэта, который разграничивает добро и зло, отделяет высокое от низкого, прекрасное от безобразного, великое от мелкого, возвышенное от земного, а «противопоставление «земное-небесное» проходит в творчестве Дж. Николича красной нитью» [8, с. 8]. Автор уверен, что лишь незыблемое знание добра и зла делает человека сильнее и совершенней. Библийские параллели и интертекстуальные ссылки на Библию глубже раскрывают светлый мир души, которая растет, вбирает силу свыше и является местом нахождения высшего блага. Многие стихи показывают силу Веры и Откровения, приоткрывают духовный взор человека: «*Святое святло*», «*Вялікая Пятніца*», «*Айчына*», «*Малітва*», «*Не забі*», «*Святы Нікола*», «*Вера*». Автор полагает, что Вера стала сопровождать людей тогда, когда они открыли свои сердца Богу: «*Калі першы храм // Расчэніў дзверы // Тады і неба раскрылася*» [5, с. 121]. Поэт лаконично и емко представляет Черную Пятницу, когда свершилась беда для человечества в день Распятия Спасителя, когда воплотившийся Бог, сошедший на землю, был отдан народом на казнь, умер, чтобы воскреснуть и открыть людям путь в Царствие Небесное: «*Вялікая Пятніца – // Самы чорны дзень // З тых часоў // Як явіўся Бог. // Тады ўсе створанае // Пакрылася цемрай магільнай // Да Святла новага – Светлага Ўваскрасення*» [5, с. 122]. Притча о Святом Николае выявляет величие и силу духа в этом мире. В деяниях Святого Николая сосредоточилось Чудо, после чего изменился мир, и в движение пришли особые, важные структуры мироздания. Дж. Николич указывает на важность поступков, отмечает важность заботы о своей душе, напоминает, что богатства сосредоточены не там, где их копят, поэтому необходимо наполнять душу, а не мощну: «*Багатым не стаў // Пакуль усяго, што меў // Не раздаў // Нават грошы, // Адкладзеныя на падарожжа, // У рукі працягнутыя // Пераскладаў. // Бо сабе ён абраў дарогу, // На якой са скарбаў зямных // Не патрэбна нічога, // А ўзбагачацца належыць тым, // Што набліжае да неба і Бога*» [5, с. 120]. Для творчества Дж. Николича характерны поиски новых художественных возможностей поэзии и экспериментирование с формой произведений. Отсутствие пунктуации во многих произведениях позволяет подчеркнуть основную мысль, обозначить парадоксальность идеи, усилить эмоциональность, а также установить темп и ритм, необходимые для свободного восприятия поэзии читателями. Дж. Николич обращается как к традиционным, так и новым формам. Так, в его творчестве широко представлена классическая форма сонета («*Санет пра песню*»), находит место «древний сербский стихотворный размер десетерац (десятисложник), которым пользовались в течение веков гуслары – исполнители эпических песен Косовского цикла и сказители» [3]. Интеллектуальные литературные игры Дж. Николича также включают использование японских стихотворных форм – хайку и танка (сборник поэзии «*Нябесны сад. Хайку и танка*», 2001 г.). Особенностью данного эксперимента является наполнение японской формы либо натурфилософским смыслом (цыклы «*Пчолы*», «*Зоры загараюцца*», «*Травы*», «*Птушкі*»), либо сербскими реалиями, благодаря чему «японская стихия подвергается специфичному «осербливанию» (цыкл «*Хайку сербскія*») [8, с. 12].

Таким образом, родные сербские образы и символы, представленные в японской поэтической форме, подчеркивают особенности художественного мышления Дж. Николича, его национально-культурную самобытность и национальную идентичность.

Заключение. Идеино-художественные поиски Дж. Николича отражают сложный процесс осмысления национальной идентичности писателя-эмигранта в многонациональном и мультикультурном американском обществе. Эстетическая программа Дж. Николича включает особый способ решения конфликта «свой» – «чужой» в американской культуре и связана с определением национальной идентичности, которая включает «осознание собственных ценностно-символических оснований, предельных смыслов, задающих меня, мои знания, мои возможности отношения с миром и с самим собой» [1, с. 869]. Творчество Дж. Николича представляет особую модель вхождения творческой личности в культуру страны эмиграции, в которой не только не теряется, но и значительно усиливается связь автора со своей страной, с родиной. Поэзия Дж. Николича насыщена образами Старого Света, в центре внимания художественных поисков находится образ Родины, любовь к которой поэт пронес через всю жизнь, а страна эмиграции представлена как чужбина. Данная тенденция выявляется на уровне проблемно-тематического комплекса, образной системы, интертекстуальных связей, библейских параллелей и художественного экспериментирования. Именно через описание сербских, а не американских реалий поэт обращается к серьезным философским проблемам бытия, осмысливает историю, представляет свой творческий путь, восстанавливает генетические корни и воссоздает жизнь своей семьи. Автор прославляет красоту своей родной земли и богатство природы, показывает историческое прошлое и судьбу своего народа, описывает черты национального характера и представляет элементы обыденного мировоззрения. Чувство чужбины, которое неизбежно присутствует в творчестве Дж. Николича, приносит темные тона, грустную эмоциональную окраску, связано с тоской по родине и устойчивым неприятием культуры страны эмиграции. Ценностные установки и эстетические приоритеты поэта выявляются через пересечение, сопоставление и сравнение двух культур, в результате чего происходит осознание своей индивидуальной творческой и национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко, В. Л. Самосознание / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь. – Минск : Книжный Дом, 2003. – с. 869 – 871.
2. Бечкович, М. Джордже Николич / М. Бечкович // Небесный всадник. – 2004. – № 1. – С. 18.
3. Лошиц, Ю. Джордже Николич (1949) [Электронный ресурс] / Ю. Лошиц // Режим доступа: <http://loshchits.ru/archives/1172>. – Дата доступа: 4.01.2016.
4. Навумава, Г. Таямница сербской души / Г. Навумава // Дзяслоў. – 2015. – № 75. – С. 304–307.
5. Нікаліч, Дж. Таямница часу: выбраанае : зб. вершаў / Дж. Нікаліч ; укл., прадм., камент. І. Чароты : пер. з серб. : І. Чарота, Л. Рублеўская, В. Шніп. – Мінск : Белпрінт, 2013. – 136 с.
6. Пярвушына, Л. У галаве серба / Л. Пярвушына // Літаратура і мастацтва. – 2013. – 27 снежня. – С. 6.
7. Тлостанова, М. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН: «Наследие», 2000. – 399 с.
8. Чарота, И. Спасціжэнне таямніц / І. Чарота // Таямница часу: выбраанае : зб. вершаў / Дж. Нікаліч ; укл., прадм., камент. І. Чароты : пер. з серб. : І. Чарота, Л. Рублеўская, В. Шніп. – Мінск : Белпрінт, 2013. – С. 3–12.
9. Якимова, Е. В. Идентичность / Е. В. Якимова // Культурология XX век. : энцикл. – СПб : Университетская книга, 1998. – Т.1. – С. 239–241.
10. Boelhower, W. The Making of Ethnic Autobiography in the United States / American Biography: Retrospect and Prospect //ed. Paul John Eakin. – Wisconsin : the Univ. of Wisconsin Press, 1991. – P. 123–141.
11. Cowart, D. Trailing Clouds: Immigrant Fiction in Contemporary America /D. Cowart. – Ithaca: Cornell University Press, 2006. – 256 p.
12. Engelmann, D. “Speaking in Tongues”: Exile and Internal Translation in the Poetry of Charles Simic / D. Engelmann // The Antioch Review. – 2004. – Vol. 62, No.1. – P. 44–47.
13. Gordon, Milton M. Assimilation in American Culture / M. Gordon. – New York : Oxford University Press, 1964. – 325 p.
14. Holmgren, B. Those Unsettling Slavs, or Theres No Place Like Home / B.Holmgren // Changing Representations of Minorities, East and West. – Hawaii: Univ. of Hawaii, 1996. – No.11 : Selected Essays, Honolulu. – P. 98–110.
15. Kalogjera, B. What Makes a Nation Visible / B. Kalogjera // The International Journal of Diversity in Organizations, Communities and Nations. – 2007. – Vol. 7, No. 3. – P. 115–120.
16. Karasek, K. Afterword to Karpowicz’s Rozwiazywanie przestizeni, Warsaw: Nowa, 1989, back cover: цит. по: Kuawinski, F. T. A Field Guide to Tymoteusz Karpowicz / Living in Translation: Polish Writers in America // ed. by Halina Stephan. – Amsterdam : Rodopi, 2003. – P. 98–117.
17. Karpowicz, T. Art: A Bridge to the Impossible / T. Karpowicz // The Polish Review. – 1981. – V. XXVI, No. 2. – P. 4–22.
18. Karpowicz, T. Naked Poetry: A Discourse about Newest Polish Poetry / T. Karpowicz // The Polish Review. – 1976. – Vol. XXI, No. 1–2. – P. 59–72.
19. Matejic, M. Serbian Writers in America: A Conflict of Identity / M. Matejic // Studies in Ethnicity. – P. 183–210.

20. Nikolic, Georg Ви Нисте од овога света (You Are Not of This World) / Georg Nikolic. – Srpska knjizevna zadruga : Belgrade, 2012. – 197 p.
21. Pervushina, L. Interview with Erica Jong / L. Pervushina // Современная зарубежная литература: проблемы жанра, нарратива, героя : сб. науч. ст. / редкол. Ю.В. Стулов (отв. ред.) [и др.] – Минск : МГЛУ, 2015. – P. 262–266.
22. Skardal, D. V. The Divided Heart: Scandinavian Immigrant Experience through Literary Sources / D. V. Skardal. – Linkoln : The Univ. of Nebraska Press, 1974. – 394 p.
23. Three Slavic Poets Chicago: Elpenor Books, 1975. – 24 p.
24. Vecoli, Rudolph J. The Significance of Immigration in the Formation of an American Identity / Rudolph J. Vecoli // The History Teacher. – 1996. – Vol. 30, No. 1. Nov. – P. 9–27.
25. Wong, Sau-Ling Cynthia Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach / American Biography: Retrospect and Prospect //ed. Paul John Eakin. – Wisconsin : the Univ. of Wisconsin Press, 1991. – P. 142–155.

Поступила 12.01.2016

MOTHERLAND AND EXILE IN POETRY BY DJORDJIE NIKOLIC

L. PERVUSHINA

This article deals with the peculiarities of poetry by Djordjie Nikolic (1949) – a well-known American emigrant writer of Serbian origin. The attention is drawn to the strong, conflicting forces in his poetic work: love for his Motherland and the feeling of alienation from the country of his exile, the land which remains foreign to him. These feelings are constantly present in Nikolic's literary work and revealed on different levels in the poet's literary legacy. This sharp contrast determines the ideological and artistic search of the author, the development of his world outlook and his perception of the world. Nikolich's national identity as an emigrant is analyzed, the connection between the national identification and the problem of cultural and historical memory is considered, specific features of the «self» are revealed. The representation of Nikolich's national identity in American culture is shown through the following important components: the national Serbian images of the world, the rich problem and thematic complex, intertextuality, and biblical parallels. The rich symbolism and its influence on the ideological and artistic program of the poet is considered.

Keywords: national identity, Slavic authors, emigrant writer, cultural and historical memory, Motherland, exile, outlook, symbolism.